

О ШТЕЙНБЕРГЕ Г. Л. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШТЕЙНБЕРГ Григорий Лазаревич. Получил высшее техническое образование, инженер-трубостроитель. Проживал в Ленинграде, работал по специальности. В 1930 — женат на Нине Ивановне Оказовой. 26 ноября 1933 — арестован, 13 апреля 1934 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг.

В марте 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Нина Ивановна Штейнберг.

<12 марта 1935>

«Пешковой Екатерине Павловне»

От Штейнберг Нины Ивановны
(урожд<енной> Оказова), прожив<ающей>
г<ород> Ленинград, ст<анция> Шувалово,
Екатерининская, д<ом> № 27, кв. 1.

Заявление

Екатерина Павловна! В 1933 году 26-го ноября органами ОГПУ был арестован мой муж Штейнберг Григорий Лазаревич. Предъявив ему статью 58-11, 6 и продержав его до 13-го апреля 1934 г<ода> (всего 4½ м<еся>ца), выслали в Сибирские концлагеря сроком на 5 лет.

Штейнберга я знаю с 1931-го года, знаю его, как преданного честного работника Советскому Союзу, прожив с ним вместе 3 года, изучив человека, его характер, его наклонности, стремления и интересы, как в личной, так и в общественной жизни, на предъявленное ему обвинение в принадлежности к контрреволюционной группировке и шпионаже, как он, так и я могли ответить лишь сплошным недоразумением и смотреть на это, как на временное недоразумение, нисколько не сомневаясь в том, что на следствие все выяснят, он будет оправдан. Живя бок о бок одной жизнью, одними интересами, я вместе с ним переживала его несчастье, смерть его отца, смерть сестры — ужасной голодной смертью, тогда, когда у нас на руках было уже разрешение на въезд в СССР сестре и матери. Сестра не дождалась — умерла, а мать, похоронив все в Бессарабии, едет в СССР в надежде увидеть единственного сына, опору, помощь и отраду на старости лет. И что же она застает? Вы представляете себе ужас матери? У нее, у старого человека, никак не укладывается, как же это может быть? Она — мать, она так же, как и я, уверена в своем ребенке, она знает, с каким энтузиазмом он относился здесь к работе, она твердо знает, что он не виноват. "Тогда почему, почему же его не оправдали? Как же можно, — она меня спрашивает, — чтобы здесь в СССР обвинили невинного человека?" Вот тут-то и делается тяжело. "Я и сама не знаю, как это можно, ведь это недоразумение, и мы добьемся правды", — говорю я ей.

Екатерина Павловна! Я знаю, что я слишком маленький человек, чтобы мое ручательство что-нибудь значило, но клянусь Вам жизнью, что мой муж ни в чем не виноват.

Помню, как он был счастлив за несколько дней до ареста, что его бригада выполнила работу намного раньше срока, был вечер, на котором он и вся его бригада были премированы, как лучшие ударники. Как он все вечера, сидя дома, ломал голову над расчетом какой-нибудь детали турбины, придумывая множество вариантов, чтобы сделать как можно лучше. Он с самого начала до конца являлся преданным искренним честным работником Союза. За все 4½ месяца своего пребывания в ДПЗ

он, несмотря ни на какие репрессии, применяемые по отношению к нему, ни под угрозой расстрела — не признал себя виновным и не подписал ни одного протокола обвинения, которые т<оварищ> Нахмансон (следователь, который так же допрашивал меня) так услужливо преподносил ему то под одним, то под другим соусом. И все же ему дали 5 лет 13-го апреля 1934 года.

Штейнберга, выслав в Западную Сибирь, г<ород> Мариинск, Сиблаг НКВД, используют вот уже в течение года на самых черных работах. Первые 3 м<еся>ца он по пояс в воде делал из глины кирпич "саман", потом работал в кузнице, а теперь его перевели на ст<анцию> Яя, Яйский лагпункт, барак №1 5, Томск<ой> ж<елезной> д<ороги>, тоже в Западн<ой> Сибири в слесарные мастерские в качестве слесаря, предложили переквалифицироваться.

Екатерина Павловна! Штейнберг по специальности инженер-турбиностроитель. Он теряет сейчас свою квалификацию, добытую годами полного лишения и тяжелого труда, и за что?

Умоляю Вас, пока будет разбираться его дело, перевести моего мужа на работу по специальности на какое-нибудь производство или электростанцию. Я уверена, что в конце концов правда восторжествует, и мой муж будет оправдан.

Что же касается меня, то вот моя автобиография: мое социальное происхождение: отец — служащий с 50 летним стажем, последние годы — персональный пенсионер за сына летчика и пенсионер — инвалид труда до 1932 года. В 1932 году он умер 65 лет. Мать все время домохозяйка, сейчас пенсионерка — нетрудоспособная, наход<ится> на моем иждивении. Я 1912 года рождения, мне 23 года. До 1929-го года — учеба — на иждивении отца. С 1929-го года работала на фабрике "Госкартогеодезия" и одновременно училась на картографических курсах — получила звание чертежника-картографа. В 1931 году была направлена ф<абри>кой на вечерний Топографический техникум. Проработав 3 года картографом, из-за потери зрения, должна была бросить эту специальность и сейчас работаю на 4-м "Металло-Штамп" з<аво>де "Ленштамптрест" корректором технологического процесса. С 17-летнего возраста я нахожусь на своем иждивении, а сейчас имею на иждивении мать и свекровь — двух старушек, нетрудоспособных. Получаю 170 руб<лей> ставка и для того, чтобы свести концы с концами, приходится работать все вечера и ночи.

Я сама очень больна, у меня туберулез. И вот такая погода сырая, весенняя на меня убийственно действует. Вот уже две недели, как я лежу дома с т<емперату>рой все время около 39 гр<адусов>. Если я умру, кто же позаботиться о старушках и о муже?

О, Екатерина Павловна! Не оставляйте моей просьбы без внимания, примите участие в этом правом деле и помогите нам добиться правды.

12/III-35 г<ода>.

Штейнберг»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1408. С. 134-136. Автограф.